

ских хронографах (в силу возрастающего в XIV—XV вв. стремления к беллетризации литературы) Троянские деяния из Малалы, не только не внесла ничего нового в смысле античной традиции, но скорее разрушила ее остатки.

Дело не только в том, что, переведенная с латыни и пришедшая к нам через южнославянское посредство, «Притча» неузнаваемо исказила имена героев Троянской эпопеи, разрывая тем самым связь с известными по более древним рукописям сказаниями, но еще и в том, что по своему духу, морально-идейной направленности и художественному строю она представляет собой совершенно иную литературную традицию, чуждую литературе домонгольской Руси.

Литературно-художественный этикет «Притчи» близок к средневековому рыцарскому роману. Эта черта была замечена еще А. Н. Веселовским. Веселовский отмечает, что название греческих и троянских жен «добрыми госпожами» соответствует понятию «прекрасная дама», а «честь», которую хочет посмотреть при дворе Менелая Парис, эквивалентна понятию придворной чести, которое выражается французским словом «courtoisie».³ Поэтику рыцарского романа напоминает также эпизод романтической переписки Париса и Елены, похищение Елены, смерть Ахиллеса и др.

Таким образом, античная основа «Притчи о кралях» дела не меняет. Хроника Иоанна Малалы (и во многом повторяющая ее, хотя и кратко, Хроника Амартола) более строго передает древние греческие источники, сохраняя в именах, легендах и частично в манере изложения отголоски античных и эллинистических традиций.

Переходя к рассмотрению античной мифологической лексики в древнеславянском переводе Хроники Малалы, необходимо отметить значительную неоднородность в фонетической и лексической передаче составляющих этот слой лексики собственных имен, а также тесное их переплетение с именами библейской и восточной мифологии.

Некоторые действующие лица Хроники Малалы имеют не одно, а несколько имен. В одних случаях все эти имена перешли в древнеславянский перевод из греческого оригинала, в других — они были внесены уже на славянской (русской) почве переводчиком или переписчиками.

Многоименность, идущая из греческого оригинала, определяется как языковыми, так и внеязыковыми причинами.

К первому случаю относятся, например, разные имена Зевса: Зевс-Дый. По происхождению это разные падежные формы одного и того же имени.

Уже к моменту составления хроники, т. е. к VI в., эти формы в силу разрушения и унификации старых типов склонения в греческом языке, а также в результате отмирания язычества стали восприниматься самими носителями языка не как падежные, но как лексические, т. е. как разные имена одного и того же героя. Такое новое соотношение этих форм перешло в древнеславянский перевод, где оно получило еще более четкое выражение: «Сде лежит оумерль Зеоусь его же и Дья наричют» (I, 17) (ἐνθάδε κεῖται Πῆχος ὁ καὶ Ζεὺς ὃν Δίαν καλοῦσιν).⁴

³ См.: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести. — СОРЯС, т. 44, № 3, СПб., 1888, стр. 71.

⁴ Греческие параллели для кн. I приводятся по указанному изданию В. М. Истрина, для кн. II по изданию: Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Joannis Malalae Chronographia. Ex recensione Ludovici Dindorfii. Bonnae, 1831. (Далее: Б). Ссылки на это издание приводятся в тексте, в круглых скобках, арабскими цифрами обозначается номер страницы.